

ПСИХОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ»

И.М. Кьштымова (Иркутск)

Аннотация. Рассматривается метод психосемиотического анализа авторского текста. Обосновывается диагностическая значимость категории «время». Приведены результаты анализа школьных сочинений с позиции выраженности временных категорий.

Ключевые слова: психодиагностика, психосемиотический анализ, текст, «время», культура, личность.

Психологическая диагностика является одним из самых сложных разделов психологии. При наличии большого количества самых разнообразных диагностических методов проблема адекватной оценки психологических качеств и состояний человека остается до конца не решенной. Звучит критика в адрес психометрики [4, 14], опросники характеризуются как «наименее надежные способы получения знаний о личности» [5. С. 254], высказываются суждения о малой валидности проективных методик [2]. Причинами относительности получаемых диагностических данных являются, в частности, искусственность ситуации, в которой испытуемые выполняют задания тестов, а также фрагментарность процессов выполнения заданий, их «вырванность» из контекста привычной жизнедеятельности человека. Метод психосемиотического анализа авторского вербального текста позволяет в некоторой степени преодолеть данные недостатки.

Семиотика как наука о свойствах знаковых систем рассматривается во взаимосвязи с психологией со времени ее возникновения. Фердинанд де Соссюр считал, что семиотика является частью психологии: «Точно определить место семиотики – задача психолога» [13. С. 40]. А.А. Леонтьев определяет семиотику как «отрасль психологии, имеющую дело со знаковым по природе и управляемым знаками поведением», как дисциплину, изучающую «роль знаков в функционировании человеческой психики» [9. С. 9].

Семиотический подход предполагает «перенос методов из одной гуманитарной науки в другую» [11. С. 9]. Сближение исследовательских парадигм, интеграция научных подходов психологии и антропологии, лингвистики, литературоведения представляются продуктивными, позволяющими теоретически обосновать, разработать и применить методы диагностики особенностей личности, уникальности субъективного мира человека посредством анализа продуктов его творческой деятельности, к числу которых, прежде всего, можно отнести вербальный текст.

Одной из самых естественных, очевидных форм самовыражения человека является речь. Другое дело, что совсем не очевиден механизм, с помощью которого происходит продуцирование внутреннего содержания человека в объективный языковой продукт. Неясность характера динамики «внутреннего» во «внешнее» обуславливает, в свою очередь, неясность при

определении того, что именно «внутреннее» искать во «внешнем» и какие элементы «внешнего» явятся знаками – указателями «внутреннего». Каким образом анализ речевого творческого продукта (текста) позволит выявить психологические особенности его создателя? Эти нелегкие вопросы стоят перед исследователем, пытающимся выявить закономерности «отражения» в авторском тексте как объективном продукте деятельности субъективности его автора.

Язык, с помощью которого создается авторский текст, согласно представлениям В. Гумбольдта, есть «орган внутреннего бытия, и даже само это бытие, как оно постепенно достигает внутреннего познания и своего обнаружения» [16. С. 54]. Язык есть и орган рождения, и продукт духовности – он «покоится на общей совокупности духовных сил человека» [16. С. 55]. Текст, создаваемый человеком посредством языка, будь то поэтический или прозаический, – отражение человеческой индивидуальности.

Понятие «духовность», используемое как В. Гумбольдтом, так и Г. Шпетом в работах по философии языка, нуждается в уточнении. Наиболее адекватным контексту представляется понимание «духа» как «идеи, смысла и сущности, разума» [16. С. 325] некоей целостности (индивида, народа). Причем, согласно Г.Г. Шпету, «дух» привносит в целое, которому он принадлежит и которое одухотворяет, «порядок и плановость в продуктах и результатах деятельности» [Там же]. Другими словами, одухотворенность подразумевает системность, «дух» наделяет смыслом, упорядочивает, структурирует, гармонизирует. Он – отрицание хаоса, созидание; он – связь сущего, смысл бытия и смысл себя в бытии.

Современные отечественные психологи, активно используя слово «духовность», понимают его нестрого: и как «нравственность», и как «творческий потенциал», и как широту интеллектуальных интересов личности... Во всяком случае, сема «системность», «упорядоченность», акцентированная Г.Г. Шпетом, в этих пониманиях не отражена. При этом именно понимание духовности как смысловой «упорядоченности» позволяет использовать данное слово не просто метафорически, но как психологически значимое рабочее определение в его непосредственной связи с понятиями языка и текста.

Понятие внутренней формы, центральное для философии языка В. Гумбольдта («внутренняя фор-

ма языка») и Г.Г. Шпета («внутренняя форма слова»), тесно связано с их пониманием духа как структурирующей, упорядочивающей субстанции. В духовности проявляется осмысленность людьми мира, объективируется субъективное через реализацию, «овнешнение» в продуктах культуры. Причем эта объективация происходит, очевиднее всего, посредством языка. Язык, таким образом, выполняет функцию организующей, систематизирующей психическое содержание человека основы. Функциональным органом при этом является «внутренняя форма».

Введя понятие «внутренней формы» языка и слова, ученые, по сути (через категорию духовности), обосновали представление о «внутренней форме» психики человека как об «именно внутренней субстанциональной форме, являющейся внутренней формой именно психики, а не внешнепсихического содержания, например материи, мозга и т.д.» [8. С. 46].

Словом выражается смысл, суть; текст есть средство перехода внутреннего во внешнее посредством силы, «оформляющей» изначально неструктурированное или слабо структурированное внешнее – посредством «внутренней формы». Слово – орудие, с помощью которого человек не просто объективирует субъективное, но объективирует его в соответствии с законами культурной формы – делает событием культуры. В этой мысли заложена, в частности, этическая составляющая понимания языка. Язык – то самое внешнее, объективное, что делает внутренний мир человека событием, «овнешняя» его.

Творческий характер языка и речевого акта, отмечавшийся В. Гумбольдтом и А.А. Потебней, проявляется в тексте через его языковые измерения: семантику, синтаксис и прагматику – основные составляющие семиотики. Предметом прагматики является текст в его динамике, дискурс, соотношенный с главным субъектом, с «Эго» творящего текст человека. Текст – связная совокупность высказываний; дискурс – классификации объектов мира и семантические связи между ними, задаваемые текстом, т.е. картина мира, объективированная в тексте. Ее специфика отражает смысловое – «системообразующее» (В. Франкл) содержание личности.

Анализом текста занимается, как известно, психолингвистика. При этом в структуре ее объекта представлены, в частности, «языковые или семиотические средства» (А.А. Леонтьев). Но психолингвистика исследует, прежде всего, строго лингвистические средства отражения психического мира человека в вербальном тексте. При разработке метода психосемиотического анализа текста мы попытались использовать, кроме лингвистических, и литературоведческие категории, что отвечает методу семиотики.

С позиции строгой семиотической системности исследовал речь человека Н.И. Жинкин. Творческая

природа речи, согласно мысли ученого, не противоречит, а, напротив, настоятельно требует рассмотрения ее как открытой семиотической системы.

Исследуя механизм порождения смысла в речи, Н.И. Жинкин задается вопросом о закономерностях, которым подчиняется процесс отбора необходимых речевых единиц для высказывания из нескольких тысяч слов активного словаря человека. Ученый говорит о существовании специального устройства, которое «так суживает объем словаря, что искомая группа слов выплывает из памяти» [7. С. 72]. Такое устройство он называет «смысловым рядом». Смысл понимается семиотически, как «информационный ряд, который ограничивает информацию определенными рамками, в пределах которых начатый ряд может быть продолжен... Так как слова могут быть преобразованы в смысл и наоборот, то смысл – это код» [Там же]. Кодом как строго семиотической категорией Н.И. Жинкин называет и «способ реализации языка» [7. С. 150] в речи. Он понимает человеческий язык как открытую семиотическую систему.

В качестве адекватного психосемиотическому методу объекта исследования могут с полным правом выступать детские сочинения. В тексте детского сочинения выражены его смыслы, его отношение к действительности, но сложность заключается в том, что «отношение ребенка в сочинении нигде прямо может быть не сказано, это обертон, постоянно звучащий в каждой фразе и во всем целом сочинения. Нужно построить такой резонатор, который мог бы уловить колебания этого обертона. Таким резонатором и является схема анализа детского сочинения. Трудности этого метода лежат главным образом в способах качественной обработки материала» [7. С. 172].

Н.И. Жинкин не первым поставил вопрос о возможности диагностики уровня психического развития человека путем анализа созданного им текста, но ему принадлежит первенство в попытке осуществления практического решения этой задачи. Следует заметить, что после трудов Н.И. Жинкина решение проблемы «текстовой» диагностики продвинулось совсем незначительно и до сих пор актуально звучат слова ученого, фиксирующие это «белое пятно» на карте психологии: «Проблема законов строения текста или развития контекста остается совершенно неразработанной в современной науке. Все законы и правила грамматики ограничиваются пределами отдельного предложения. Но мысль обычно не укладывается в одно предложение. Она переходит из предложения в предложение. Между предложениями ставится точка, а что за этой точкой... неведомо» [7. С. 184]. Тем более ситуация «отсутствия» значима для анализа детских сочинений: «Вопрос об анализе ученических сочинений в нашей научной литературе, попросту говоря, не поставлен...» [7. С. 294].

Отмечая значение смысловых образований для реализации процесса создания текста, Н.И. Жинкин тем не менее в практически предложенных схемах анализа сочинений не рассматривает личностные смыслы как возможные диагностические критерии и объекты анализа. Используемые им критерии: отбор слов, распределение в тексте предметных признаков, интонационное выделение предикатов и характер связи предложений – диагностически ограничены. Это понимал и сам ученый: «Наиболее сложным и трудным вопросом при решении поставленной задачи является выбор пути, критериев, исходных позиций для анализа текстов. Этот вопрос остается до сих пор наименее ясным, хотя именно от него и зависит весь успех в решении задачи» [7. С. 187]. Однако обозначенные Н.И. Жинкиным кардинальные методологические вехи на пути разработки схемы диагностического анализа текста являются содержательной основой обоснования его критериев. Так, принципиально важным для нас являются: 1) понимание речи как системы и утверждение о продуктивности семиотического подхода к диагностическому анализу текста; 2) понимание того обстоятельства, что лишь в связном тексте выражаемы смыслы автора, отдельное слово диагностически не информативно, так как имеет значение, но не смысл; 3) убеждение в том, что детское сочинение является полноценным творческим продуктом, в котором нашли отражение психологические особенности его автора, а также в том, что эти особенности могут и должны быть «считаны» в процессе научного анализа.

Задачей психосемиотического анализа текста является, прежде всего, определение выраженности личностного смысла человека как детерминанты творческой деятельности. Определение смысла предполагает, в частности, исследование выраженности временных категорий. Б.С. Братусь дает определение смысла как «субъективно устанавливаемой и личностно переживаемой связи между людьми, предметами и явлениями, окружающими человека в пространстве и времени как текущих, так и бывших и предполагаемых событий» [6. С. 289]. Бытие невозможно вне времени, признаки его субъективизации, маркированные в тексте, – один из значительнейших показателей смысла. Фундаментальные категории бытия и сознания, к числу которых относится и время, выражаются в тексте неодинаково, в разном объеме. Субъективируясь, время при этом и объективируется в разных по структуре и назначению текстах, как их внутренняя форма.

Личностный смысл, являющийся субъективным отражением смысла бытия, проявляется в творческой деятельности человека, отражаясь в созданных им текстах. Трагедия потери смысла бытия выражена в известной метафоре В. Шекспира – «распалась

связь времен». Содержательная связь в сознании человека его личного прошлого, настоящего и будущего является условием его нормального психического функционирования. Этим обусловлено, в частности, выделение временных категорий как диагностически значимых в тематическом апперцептивном тесте (ТАТ) Г. Мюррея. Отсутствие категории «прошлое» в рассказах, составленных испытуемыми, может свидетельствовать о неэффективности использования человеком своего прошлого опыта или его вытеснении. Отсутствие «будущего» маркирует психологические проблемы, связанные с тревогой (чаще всего неосознанной) за перспективы личного или профессионального развития, а также неспособность к планированию собственной жизни.

Представление о важности субъективных представлений человека о времени как объективных показателей его развития развивал С.Л. Рубинштейн: «...то, каким время «кажется» человеку... имеет вполне объективные основания. «Кажимость» – это и есть время, являющееся адекватной формой жизни человека... Субъективно переживаемое время – это... время жизни (поведения) данной системы – человека, вполне объективно отражающее план жизни данного человека» [12. С. 323].

Значение времени для человеческого существования подчеркивал В. Франкл. Используя введенное в научный обиход Э. Штраусом понятие «презентативное существование», ученый отмечает смысловую ограниченность существования человека, обусловленного только настоящим, когда «человеческое поведение... не опирается на прошлое, не направлено на будущее, а скорее соотносится только лишь с внеисторическим чистым настоящим» [14. С. 14].

Введенное в научный лексикон А.А. Ухтомским и получившее развитие в трудах М.М. Бахтина понятие «хронотоп» предполагает «симультанизацию психологического времени – дление, включающее прошлое, настоящее и будущее» [8. С. 88]. Особенности выраженности временной категории в авторском вербальном тексте – показатель «разумения» себя в континууме бытия (которое вневременным быть по определению не может).

Значение архитектурной специфики времени для понимания личности исследовано К.А. Абульхановой. Как в историческом контексте, так и в контексте жизни человека важно, чтобы не «порывалась связь времен», обеспечивающая цельность и осмысленность бытия: «Прошлое «вбирается» личностью в свой настоящий способ жизни и свой «склад»... Оно становится идеальным и экзистенциальным пространством самой личности. Будущее – в отличие от прошлого – это проективное личностное пространство, образованное способностями ее сознания, воображения, мышления, мотивациями достижений и

притязаниями. Сколько жизненных сил, жизненных умений, способностей чувствовать, мыслить и осознавать личность вобрала из всех этапов своего прошлого в свое настоящее «я» и его отношения с миром, сколько проективного, конструктивного времени-пространства она способна охватить как свое будущее и сколь разумен и обоснован этот перспективный охват, масштаб, столь и сильна пружина личностного времени, движущая ее в это будущее» [1. С. 216]. Созидательная энергия личности, продуктивность и значимость ее творческой деятельности, жизненная эффективность, таким образом, связаны со «связующей времена» способностью.

Значимость феномена временной организации психической жизни человека трудно переоценить. Исследования в области психолингвистики показали, что мысль, формирующаяся как речевое высказывание, вначале проявляется в сознании в виде предиката – синтаксической (психологической?) единицы, основным содержанием которой являются категории времени и наклонения. Таким образом, у истоков сознания – возникающее представление о реальной / условной / желаемой действительности и о прошлой / настоящей / будущей форме её представленности.

Связь времен: прошлого, настоящего и будущего, необходимость их слиянности важны для реализации высших – трансцендентных смыслов. М.К. Мамардашвили, комментируя евангельский афоризм «Настанет время, и это – сейчас», говорит о должной нераздельности в сознании человека времен, о том, что личность, смысловой уровень которой достиг высшего уровня развития, соединяет времена в одной точке бытия, и в этом соединении – ответственность перед будущим (воскресением): «Если ты не воскреснешь при жизни в своих чувствах и смыслах прошлых состояний, то никогда не воскреснешь» [10. С. 270].

Проживая каждый настоящий момент своей жизни, в полноте своих потенций осуществляющийся человек проживает этот момент как связь прошлого и будущего. «Миг между прошлым и будущим» – это такое настоящее, которое не утратило связи с прошедшим и еще не наступившим: «...то, что мы можем назвать настоящим наличным... бытием субъекта, детерминировано двумя противоположными способами: от прошлого к настоящему... от будущего к настоящему...» [3. С. 261].

Такую «связь времен» М.А. Холодная рассматривает в связи с интеллектуальной зрелостью человека, признаком которой является способность «осмысливать происходящее одновременно в терминах прошлого (причин) и в терминах будущего (последствий) (в противовес склонности мыслить в терминах «здесь и теперь»)» [15. С. 206].

Категория времени, следовательно, одна из наиболее значимых, определяющих уровень психологичес-

кого функционирования человека. Выявив особенности субъективной временной организации личности, психодиагност сможет с высокой степенью достоверности делать заключение, прежде всего, об уровне смыслового развития человека. Рассматривая личностный смысл как системообразующую основу личности (А.Н. Леонтьев, В. Франкл и др.), можно предположить, что категория «время» будет одним из значимых маркеров уровня личностного развития.

Психосемиотический анализ авторского текста предполагает использование в качестве одного из значимых диагностических критериев временные категории. При этом в зависимости от темы текста их значение может быть различным. Так, наряду со значимостью индивидуального жизненного времени человека, мы учитывали особенности понимания автором «культурно-исторического времени». В отличие от интерпретационной парадигмы ТАТ, психосемиотический анализ текста предполагает выявление осознаваемой (или неосознаваемой) человеком историко-культурной «связи времен». Ведь личность «в поле культуры... чувствует себя наследником прошлого и творцом будущего. Прошлое воспринимается им как его собственное, живущее в нем, действующее его руками, смотрящее его глазами, а будущее как его будущее... за которое он... ответственен и перед собой, и перед современниками, и перед потомками» [3. С. 254]. Речь идет о творческой личности, уровень смыслового развития высок (трансцендентальный, эсхатологический, гуманистический, национально-культурный – в соответствии с разными классификациями).

В процессе проведения эмпирического исследования нами осуществлен психосемиотический анализ 298 сочинений на свободную тему учащихся девятых – одиннадцатых классов из шести общеобразовательных школ Иркутска. Установка на выполнение задания была «мягкой»: «Напишите сочинение о чем вам хочется». Время написания сочинений не ограничивалось, отметка ставилась лишь в том случае, если таково было желание самого школьника.

В качестве одной из диагностических категорий использовался показатель выраженности времени: осмысление событий текста только с позиции «здесь и сейчас» или с позиции значимости настоящего прошлого и будущего. Так как во всех текстах была представлена категория «настоящее», дифференциация показателя «время» приобрела следующий вид:

- 1) настоящее;
- 2) настоящее и будущее;
- 3) настоящее и прошлое;
- 4) прошлое, настоящее и будущее.

Анализ показал, что наиболее частотны тексты с выраженностью лишь настоящего времени (1-я группа) – их число составило 243, что соответствует 81,5%;

полноценная «связь времен»: прошлое, настоящее и будущее (4-я группа) – выявлена в 18 сочинениях (6%); 2-й группе (настоящее и будущее) соответствует 10% работ; 3-й группе (прошлое – настоящее) – 2,5%.

Теоретически обоснованное значение категории времени для полноценного функционирования личности позволяет судить о тревожности полученных данных. Это подтверждается и проведенным корреляционным анализом с показателями выраженности смысловых категорий. В качестве последних использовалась, во-первых, классификация личностного смысла как «фундамента личности» Б.С. Братуся [6], основанная на следующей дифференциации уровней смыслового развития: нулевой уровень – прагматический; первый – эгоцентрический; второй – группоцентрический; третий – гуманистический и четвертый – самый высокий! – духовный, на котором «определяются субъективные отношения человека с беспредельным... устанавливается отношение к конечным вопросам и смыслам жизни» [6. С. 193]. Второй классификационной основой выделения смысловых уровней явилась дифференциация в соответствии с выраженностью обобщенной мировоззренческой позиции: 1 – прагматический; 2 – быто-

вой; 3 – социальный; 4 – национально-культурный; 5 – духовный (трансцендентный).

Для выявления взаимосвязи выраженности временных и смысловых показателей в тексте использовался критерий Н. Краскала-Уоллеса. Обнаружены положительные корреляции между «временем» и обоими «смыслами» статистически значимого уровня. Так, связь смысла (1) с выраженностью временных категорий текста характеризуется следующими значениями: $\chi^2 = 42,180$, $df = 5$, $p = 0,000$. Смысл (2) связан с временем текста на уровне $\chi^2 = 50,388$, $df = 5$, $p = 0,000$. Общий невысокий уровень смыслового развития школьника отразился в характере временных связей текста.

Полученные данные, с одной стороны, позволяют говорить об адекватности использования метода психосемиотического анализа как средства психологической диагностики, о значимости категории «время» для определения смыслового (а следовательно, личностного) уровня развития человека. С другой стороны, результаты исследования не могут не вызывать тревогу и требуют их осмысления с позиции выявления причин и разработки возможных средств коррекции создавшегося положения. Только тогда разорванная «связь времен» получит шанс на восстановление.

Литература

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Анастази А. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2001.
3. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. М.: Академия, 2001.
4. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002.
5. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. СПб.: Питер, 2002.
6. Братусь Б.С. Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева. М.: Смысл, 1999.
7. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество: избранные труды. М.: Лабиринт, 1998.
8. Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УПАО, 2000.
9. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Москва; Воронеж: МОДЭК, 2001.
10. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.: Моск. школа полит. исследований, 2000.
11. Почепцов Г.Г. Русская семиотика. М.: Рефл-бук, 2001.
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
14. Франкл В. Психотерапия на практике. СПб.: Ювента, 1999.
15. Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002.
16. Шпет Г.Г. Психология социального бытия. Москва: Ин-т практ. психологии, Воронеж: НПО МОДЭК, 1996.

PSYCHOSEMIOTIC ANALYSIS OF THE TEXT: DIAGNOSTIC MEANING OF «TIME» CATEGORY
I.M. Kyshtymova (Irkutsk)

Summary. The method of the psycho semeiotic analysis of the author's text is considered in this article. The diagnostic importance of a category «time» is proved. Some results of the analysis of school compositions are given.

Key words: psycho diagnostics, psycho semeiotic analysis, text, «time», culture, person.